

Личный опыт 12 тюрем

Виталий Лозовский

КАК ВЫЖИТЬ И ПРОВЕСТИ ВРЕМЯ С ПОЛЬЗОЙ В ТЮРЬМЕ

СС СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЧАСТЬ II

18+

Виталий Лозовский

**Как выжить и провести время
с пользой в тюрьме. Часть 2**

«Автор»

2016

Лозовский В. З.

Как выжить и провести время с пользой в тюрьме. Часть 2 /
В. З. Лозовский — «Автор», 2016

ISBN 978-5-532-11232-2

В продолжении книги основанной на личном опыте 12 тюрем, автор рассказывает о способах связи в тюрьме, шмонах, этапах и нацболах. Татуировки - что можно, а от чего лучше воздержаться. Как общаться с гопниками и основные заповеди арестанта. Как сохранить здоровье и лечиться тем, что есть в камере. Понятия воровские, людские, гадские, немного об их истории, философии и противоречивости. Шары, шпалы и прочие усовершенствования мужских членов. Отдельно собраны советы как вести себя в случае ареста и первого контакта с правоохранительной системой. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-11232-2

© Лозовский В. З., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Способы связи в тюрьме.	5
Шары, шпалы и прочие усовершенствования мужского достоинства	11
Понятия воровские, людские, гадские...	14
Игры в тюрьме	16
Покер игральными костями	19
Способы протеста в неволе: жалобы, голодовки, самоубийства	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Способы связи в тюрьме.

Самые отработанные технологии в области связи между арестантами, которые мне пришлось видеть, были в Калининградской тюрьме. Ничего принципиально нового после я уже не встречал, хотя каждая тюрьма имеет, конечно, свои нюансы в этой области.

Одним из самых простых являются «ноги» – баландёр или даже иногда контроллер. Во время раздачи пищи, пока этот процесс идёт, с таким арестантом можно поговорить, передать какую-то информацию на словах или даже передать маляву или «груз». Как не трудно догадаться, этот способ не является самым оптимальным: скорее всего, все, что услышит баландёр, будет известно и куму (оперу). Поэтому в такой способ передаётся, как правило, только нейтральная информация – просьба помочь куревом или чаем, поиск определённых людей. Возле баландёра в момент раздачи пищи всегда находится контроллер и весь этот процесс происходит с его молчаливого согласия, на что ему соответственно дал разрешение кум. В Калининграде, кстати, таким способом практически не пользовались. Сигареты, да и прочие мелочи часто можно передать самим контроллером.

Способы связи зависят от устройства самой тюрьмы (один или несколько корпусов, куда выходят окна). При размещении в одном корпусе, да и ещё колодцем, с окнами, обращёнными внутрь, все несколько проще (Калининград, Черновцы). При размещении в нескольких корпусах, да ещё значительно друг от друга удалёнными, сложнее. В таком случае без помощи хозобслуги не обойтись.

Информация также может передаваться ещё несколькими каналами. Во-первых, людей из разных корпусов при вывозе на суды, следственные действия собирают на сборке, где и происходит обмен. Даже если нужные люди не попадают в один бокс, как правило, можно что-то прокричать через дверь. Могут наказать, но обычно проходит.

Здесь же в боксах можно оставлять какие-то записи карандашом на стенах. Обычно так сообщают о своём местонахождении (например, Вася Херсонский, х.140, 20.05.2001), приговорах, об уходе на этап на зону, ищут знакомых. Исписаны также и стены боксов в судах, где содержат подсудимых во время перерывов и даже стены автозаков.

Каждый порядочный арестант **обязан интересоваться** такими образцами настенной живописи, особенно свежими, и при возвращении в хату, сообщать все, что он смог запомнить.

Такой своеобразной «доской объявлений» служат обычно и стены бани, а также прогулочных дворишков. Периодически их закрашивают, но за каждым ведь не уследишь. Часто стены в таких местах стараются сделать непригодными для письма с помощью так называемой «шубы» (грубой рельефной штукатурки). Но все равно пишут. Только приходится это делать очень мелко.

Такие записи – это пассивный способ передачи данных, более или менее рассчитанный на авось. Второй способ передачи информации, уже активный – это общение, которое происходит как голосом, так и письмом. Письма в арестантской лексике именуется «малявами», «мальками» (вероятно, из-за своих минимальных размеров).

Все общение можно также разделить на монологи и диалоги. Бывают и целые «чаты» (когда вопрос выносится на всю тюрьму или корпус или коридор, в зависимости от возможности, предоставляемой их устройством). Явление редкое и проводится только по особо важным вопросам, когда зачастую игнорируется вопрос опасности последующих репрессий: вопросы бунта, иных форм протеста (голодовка, массовые жалобы).

Монологи – это «объявы», т.е. объявления о каких-то событиях. О назначении или избрании смотрящего и его местонахождении, о поиске, о признании (объяве) кого-то сукой, крысой, курицей, петухом, балаболом. Это часто делается, когда кого-то за тяжёлый косяк «ломают» с хаты. После такой объявы на всю тюрьму его уже вряд ли примут в какую-либо хату, кроме

«обиженки» или «ментовской» Такие объявления могут делаться и в виде «прогонов» – письменных сообщений, которые путешествуют из хаты в хату и читаются вслух. Таким же образом движутся воровские прогоны – своеобразные предписания и наставления по понятиям и их трактовке, воровской жизни. Такие прогоны пишутся коронованными законниками, подписываются ими (помню один: «Саня Север, Смоленский централ, дата») и путешествуют между зонами и тюрьмами. Подписываются и те, кто переписал – кто, когда, где. Правда, установить, кто их в действительности написал, и кто корректировал, простым смертным не представляется возможным – может и опер на досуге пографоманил.

Крики, разговоры между хатами – дело достаточно индивидуальное в зависимости от конструкции и порядков («постановы») в тюрьме. Где-то за один звук могут сразу в карцер отправить, а где-то это дело вполне привычное. Разговаривать можно через решку, или через тормоза (дверь).

Разговаривают и с помощью некоторых нехитрых приспособлений, которые уменьшают риск быть услышанным в коридоре. Это, в первую очередь, «тромбон», т.е. обычная металлическая кружка. Вы можете испытать ее действие даже дома (помнится, в детстве мы с братом так иногда слушали «концерты», которые происходили за стеной у наших соседей). Кружку или чашку (последнее хуже) приставляют открытой стороной к стене, а ухо прикладывают ко дну. Если повернуть инструмент наоборот и плотно приложить к губам, то можно «прокричать» даже метровую стену. Особенно легко таким образом говорить по трубам отопления – тогда можно общаться не только с соседней камерой. Тромбон прикладывают к батарее и вперёд (слышимость вполне терпимая). Для выхода на связь существуют условные сигналы: несколько ударов в стену или по трубе. Общение происходит по правилам одноканальной связи – по порядку, только при передаче «трубки» говорят обычно не «Прием», а «Говори» или что-то ещё.

Ещё один способ – разговор через «кабуры» (отверстия в стенах или перекрытиях). Их проковыривают подручными средствами: ручками от ложек или супинаторами из подошв, металлическими полосами от шконарей. Предварительно договариваются с соседями о координатах точки (например, десять спичечных коробков от окна, семнадцать от пола) и движутся одновременно с двух сторон. При очередном большом шмоне их заделывают, и все начинается сначала. Благо времени хватает. Через кабуры происходит и движение грузов. Иногда кабуры бывают достаточно большими, достаточными даже, чтобы пожать друг другу руки.

Также для коммуникации используются канализационные трубы. Стояк проходит сверху вниз через все этажи и к нему с двух сторон (двух соседних камер) сходятся сливы от унитазов и умывальников. Чтобы поговорить по такому «телефону» (именно так этот способ связи называется), надо удалить водную пробку из очка или унитаза. Для этого используют тряпку, которой воду вымачивают и затем выкручивают тряпку в какую-либо ёмкость или умывальник. Этот вид деятельности, кстати, не считается «в западло», не смотря на прямой контакт с табуированным предметом. Если в хате есть обиженный, то это поручается ему, если же нет, то не воспрещается и нормальным пацанам. Дело ведь общее. Когда воды нет, то, наклонившись почти вплотную к очку, можно спокойно вести диалог даже через несколько этажей.

«Труба» также интенсивно используется для передачи грузов. Для этого надо сначала «словиться» (именно так, от глагола *ловить*), т.е. установить дорогу – протянуть шнур через канализацию из камеры в камеру. В начале делают «ёжик», представляющий собой несколько связанных обломков ручек зубных щеток или пластмассовых корпусов авторучек, которые над огнём изгибают самым причудливым образом, образуя крючки и спирали. Если надо словиться с соседней камерой, то такие ёжики с привязанными к ним шнурами достаточной длины с обеих сторон бросают в очко и затем по условному сигналу – удар в стену – одновременно сливают большим количеством заранее заготовленной воды. Ёжики уходят в общую трубу и

под действием потока воды зацепляются и закручиваются друг за друга. Остаётся только аккуратно вытащить их в одну из камер и дорога готова.

Если словиться надо на разных этажах, то верхние вначале опускают «ёжика» на нужную высоту, а нижние сливают воду. Затем к дороге (шнуру) привязывают плотно упакованный и запаянный в целлофан груз и переправляют по назначению. После использования оставляют контрольку – тоненький шнур, который закрепляют и оставляю до следующего раза. При необходимости к контролке привязывают уже рабочий прочный «канатик» и гонят груз или малявы. Таким образом, чаще всего связывались с карцером и смертниками – других дорог, из-за повышенного контроля, туда не было. В Калининграде основным врагом такого способа передачи была не администрация (которая никак не могла ему противостоять), а ... крысы. Они наложили свою лапу на транзит и снимали дань, нападая на грузы, моментально перегрызая канатики. Для них путешествия канализационными трубами не представляли труда и иногда они среди ночи «выныривали» в очке унитаза и могли потянуть беспечно оставленную пищу.

Самым распространённым способом связи являются внешние дороги по наружным стенам тюрьмы и между корпусами с помощью т.н. коней – самодельных канатов и канатиков, технология изготовления которых представляет собой целое искусство. Сам процесс называется «гонять коней».

Самое сложное в этом деле – это «словиться» и установить дорогу. Проще всего это делать расположенным друг над другом камерам. Верхние опускают коня, нижние с помощью крючка (загнутой пластмассовой ручки на длинной палке, скрученной из газеты и проклеенной хлебным клейстером, которую называют удочкой) затягивают внутрь. Чтобы «словиться» с соседней хатой на одном этаже, надо уже больше изобретательности. Если сквозь решётку можно просунуть руку, то тогда на конец верёвки привязывают грузик и, раскручивая его, забрасывают на выставленную из соседнего окна удочку. Можно также, подвесив на удочке груз на канатике достаточной длины, начать постепенно раскачивать, пока его не поймут удочкой с окна камеры, расположенной внизу по диагонали. Затем только остаётся поднять коня на этаж вверх и боковая дорога установлена. Если хотя бы кто-то по вертикали установил такую боковую дорогу, то, передавая друг другу коней по вертикали, такие дороги может установить каждый этаж.

Днём оставляют контрольки – тоненькие шнуры, которые можно при угрозе шмона легко убрать. Контрольки все равно периодически отшманываются, но в тот же день изготавливаются новые. Вообще слежение за дорогами, это святая обязанность правильных пацанов (братвы). Никого не интересует как: дороги должны быть установлены и быть готовыми в любой момент. Иначе камера «морозится» и исключается из «карты дорог», которую держат в голове «дорожники», а ее население попадает под подозрение. При попадании с замороженной хаты в нормальную, любому, претендующему на звание «нормального» пацана, придётся держать ответ: почему у них не было связи и что они сделали для ее установления.

То, что транспортируется по таким дорогам, зависит от пропускной способности решёток (размеров отверстий в них). Чтобы противостоять такому движению, администрация использует несколько способов. Один из них – установка снаружи на окна металлических жалюзи («ресничек», «баяна»), с просветом не более 2 см. Такие реснички закрывают также и обзор, придавая и без того угрюмым камерам мрачный вид.

Второй вариант – щиты (они же намордники). Они представляют собой цельнометаллические щиты, иногда с небольшим количеством маленьких, около 1 см, отверстий, превышающие по размерам окно и крепящиеся напротив окна на расстоянии 10-15 см, пропуская, таким образом, немного воздуха. В Харькове на окнах верхних этажей, которые выходят на городскую улицу, установлены щиты из оргстекла. По требованиям Совета Европы и правозащитных организаций, такие устройства в большинстве постсоветских стран признаны незаконными, но, насколько я знаю, никто не спешит с этим считаться. Такие штуковины действительно зна-

чительно ухудшают циркуляцию воздуха (при многократной переполненности камер это особенно чувствуется) и освещённость, делая содержание в СИЗО сродни круглосуточной пытке. Давят они и на психику, закрывая солнце и небо, превращая камеры в каменные мешки.

Ещё одним средством борьбы с такой тюремной системой связи являются жестяные козырьки над окнами, препятствующие установке дорог по вертикали. Края козырьков делаются зазубренными, таким образом, чтобы грузы застревали и канатики перетирались.

Также для этого применяются решётки с очень мелкими ячейками («фарш») или сетка-рабица – как правило, дополнительное средство к ресничкам.

Арестантский народ со своей стороны, конечно, изобрёл множество противоядий этим мерам. На козырьки бросают тряпки. Реснички разгибают полосами или трубами, отломанными от шконарей, отбивают края стен и подоконников, чтобы расширить проход, и вплоть до того, что распиливают фарш или реснички. В том же Калининграде это была обычная практика.

Там между арестантами и администрацией существовала некая договорённость: если отверстие не превышает диаметра пластиковой полуторалитровой бутылки, то его вроде бы и не замечают. Меня поразило эпизод, когда на зиму вставляли оконные рамы. Сержант зашёл, посмотрел: «Так, где вы тут коней гоняете?». И показал плотнику-зеку: «форточку ставь с той стороны». Так он и сделал – форточка оказалась там, где была пропилена дыра в сетке-фарше и разогнуты реснички. Учитывая ужасную переполненность камер, администрация была вынуждена идти на уступки, лишь бы арестанты не жаловались и не бунтовали. Арестанты также добились достигнутым компромиссом и старались больше не наглеть.

Перепиливание и разгибание проходило по принципу «не пойман – не вор», т.е., если умудрились проделать дорогу, молодцы, пользуйтесь, если попались, – карцер. Периодически администрация пыталась эти ходы заваривать, но зеки с упорством муравья грызли решётки снова и снова, отстаивая свой кусочек свободы. Кусок ножовочного полотна («акулу») можно было получить по тем же дорогам от коллег-арестантов.

Рассказывали и о других способах – самому мне их видеть не пришлось – с помощью соли. Кстати соль в больших количествах в тюрьме по этой причине до сих пор считается предметом запрещённым и даётся в камеру только с разрешения оперчасти. Один из способов помогает сжать достаточно толстые полосы металла ресничек, образовав в одном месте большой проход. Для этого делается очень насыщенный раствор соли и в нем мочится полотенце. Затем плотно обвязывают им реснички. По мере высыхания полотенце стягивается и этой силы бывает достаточно, чтобы прогнуть полосы металла. При необходимости процедуру повторяют.

Ещё один способ использования соли: в насыщенном растворе вымачивается тоненький прочный канатик. После высыхания кристаллы соли превращают этот канатик в неплохое гибкое ножовочное полотно («струну»), наподобие того, которым пользуются сантехники и спецназовцы. В медицине оно носит название пилы Джильи и служит для трепанации черепа. Основа такого полотна в арестантском варианте, конечно, менее прочная и их надо постоянно менять, для чего их изготавливают в избытке. Оно вполне пригодно для перепиливания нетолстых прутьев решётки-фарша. Если же возле места перепиливания установить свечку так, чтобы она постоянно грела металл, то такой пилой вполне можно перепилить и более толстые прутья. Для этого, конечно, нужно немало времени, но это как раз то, что есть у арестанта в избытке. Чтобы не допустить такого, в тюрьмах каждый день или раз в несколько дней проводят «простукивание» – контроллер с деревянным молотком на длинной ручке стучит по решёткам и шконарям, по звуку определяя возможные непрочности в конструкциях.

Канатные дороги бывают короткими (с соседними камерами вдоль стен) и длинными – с соседними корпусами. Чтобы установить дальнюю дорогу (как правило, это делается ночью, естественно), тоненькую лёгкую контрольку, изготовленную обычно из нитки полусинтетиче-

ских носков или женских колгот (последнее, разумеется, в тюрьме большой дефицит). Если используют носки, то, распуская их, аккуратно отделяют синтетическую нить (лайкра, полиэстер) от хлопчатобумажной, и сплетают по спецтехнологии шнур почти неограниченной длины.

Затем делают «ружье»: из газет сворачивают длинную трубку, которая проклеивается клейстером. Делается «пуля» – бумажная воронка типа бадминтонного волана, соответствующая диаметру «ружья», на конец которой крепится небольшой грузик из хлебного мякиша и конец контрольки. Затем «пуля» по принципу духового ружья силой выдоха выстреливается в нужном направлении. При небольшом расстоянии и гарантированной точности так даже иногда «застреливают» и сами малявы.

При попадании в реснички существует вероятность, что «пуля» там застрянет, но при больших расстояниях с противоположной стороны устраивают «карниз» – с двух соседних окон высовывают «удочки» и протягивают между ними канатик. Теперь достаточно попасть в промежуток между окнами выше «карниза», после чего «пуля» падает на него и остаётся ее втащить внутрь. При мне опытные арестанты «застреливали» с первого раза на расстояние до 70 метров, которое было между корпусами. Такие «ружья» делали также и с изгибом в 90 градусов – тогда ими легко можно установить связь с боковыми камерами. Вообще ружья должны быть достаточно длинными, и чтобы их удобно было прятать, их делали разборными (несколько коротких трубок-колен, которые при необходимости соединяются в длинное – прямое или изогнутое «ружье»).

Для длинных дорог используются достаточно прочные канаты, которые изготавливаются в основном из свитеров. Для движения между корпусами на расстоянии 70 метров, нужен соответственно канат двойной длины (140 метров). Его прочность такова, что может спокойно выдержать вес человека. Рассказывали о случае, когда зеки, спасая дорогу, вытащили по стене на третий этаж вертухая, попытавшегося с земли оборвать ее, схватив и обмотав вокруг руки. А совсем незадолго до моего пребывания в Калининградской тюрьме с ее крыши с пятого этажа сбросили одного из охранников, попытавшегося зацепить дорогу кошкой. Тот разбился насмерть. Позже уже для обрывания дорог использовались кошки с заточенными внутренними краями крюков, чтобы канаты о них перерезались, и при выходе на крышу охрана теперь уже крепила себя страховочными тросами.

Обычно все средства связи, описанные мной, используются согласно конкретным условиям. Где-то груз идёт через «кабуры», где-то по «трубам», где-то по воздуху, где-то «ногами». Такая система позволяла доставить в том же Калининграде любую почту (я даже достаточно толстые книги переправлял, только твёрдый переплёт снимал, пересылали обувь, одежду) в любую камеру тюрьмы на протяжении максимум 20-25 минут. Такой отлаженной системы видеть больше не довелось.

Вечер, где-то после 20.00, начиналась самая активная деятельность. «Один четыре ноль! Один четыре ноль! Строимся!». Номера хат произносятся именно так, а не «Сто сорок». Такой способ более надёжный – при плохой слышимости легче различать. Да и просто традиция такая. Дорожники начинали движуху: строились или восстанавливались по контролям боковые дороги, по ним с корпуса на корпус передавались концы длинных. Имелось несколько ключевых длинных дорог, к которым стекалась почта корпуса и затем уходила пачками на другой.

Нередко длинные дороги в процессе стройки накладывались друг на друга. В таких случаях нужно было перебрасывать их – менять местами. Конец дороги по коротким боковым дорогам пускался вокруг (например, две хаты навверх, две хаты вправо, три хаты вниз, две влево, вверх). Весь этот процесс координировался опытными дорожниками, часто с противоположного корпуса, которым было виднее, где происходит перехлест и как его обойти. В общем, в течение часа все дороги, как правило, были в полной боевой готовности и работали до утра – часов 7. Ночью, в свете прожекторов, картина была весьма интересная: паутина из полутора десятков дорог между четырьмя корпусами, по которым постоянно что-то движется.

Иногда ночью охрана устраивала облавы: внезапно выбегала с кошками на крышу или во двор. Первый заметивший их кричал: «Мусора!», затем этот крик подхватывали остальные и в течении меньше минуты все дороги, в первую очередь длинные, сворачивались. В одну из ключевых хат мог одновременно вломиться с шашками наголо, прорубая себе дорогу в массе тел к решкам, резерв. За секунды, что нужны для открытия двери и движения к окну, дорожники обычно успевали скинуть дорогу, а малявы, которые остались неотправленными, уничтожить. Работа дорожника, таким образом, была довольно жертвенной – легко было попасть под дубинал или угодить в карцер. За такую работу они получали сигареты и чай с общака, да и арестанты обычно уделяли им что-то с передач.

В любом случае, рассчитывать на надёжность системы не приходится и писать следует с осторожностью. Время от времени почта таки перехватывается – менты организуют свои хаты на дороге, читая и ксерокопируя нужные малявы и отправляя затем дальше, чтобы не возникло подозрения или вербуют дорожников, которые читают малявы необходимых адресатов. Когда кому-то необходимо было писать о чём-либо серьёзном (договориться с подельником, например), то устанавливали прямую дорогу с камеры в камеру, если это было технически возможно, и общались без посредников.

Интересна система условных сигналов. Три удара в стену означало «прими коня» или «подай коня», т.е. либо прими груз, либо отпусти дорогу, чтобы мы могли отправить тебе груз. Два удара – «коня принял» (использовалось не всегда). Один удар – «забирай коня» – груз отцеплен или прикреплен, можешь тянуть. Несколько беспорядочных ударов в ответ на три удара – «расход», т.е. сейчас принять не могу («запал» или занят). Четыре удара – «выйди на решку» (поговорить через окно). Пять ударов – выйди на «телефон». Удары делаются размеренно, с оттяжкой. Несколько быстрых и часто больше пяти ударов – сродни крепкому мату, когда дорожники начинали пороть косяки. Чем ударов больше и их частота выше, тем возмущение сильнее. Благодарность соседям за помощь («грев») выражалась аналогично, только удары более равномерные. С небольшими вариациями и перестановками подобная система существует во всех тюрьмах. Удары могут делаться и по трубам, только это не совсем удобно, так как звук распространяется по ним на несколько камер, и не всегда понятно, кому именно адресовано послание.

Современная эпоха добавила к этому арсеналу и мобильные телефоны, но это уже другая тема: с мобилой любой справится, вопрос только, договориться ее пронести.

Шары, шпалы и прочие усовершенствования мужского достоинства

В этой главе хочу рассказать о членовредительстве. Под членом понимаем мужской половой орган.

Периодически в хатах возникает ажиотаж и возбуждение. Кто-то захотел вставить себе в член шар или шпалу и начал приготовления. Эта лихорадка заразна – и охватывает значительную часть населения. Зубные щётки с толстыми ручками из прозрачного пластика сразу резко повышаются в цене. Зубы теперь чистят жалкими огрызками. Народ там и тут трёт об бетонный пол шары, шлифует, холит и лелеет, показывает друг другу, сравнивая и доводя до идеальных форм и поверхностей.

Вот наступает день Икс. Обычно время назначается на вечер, после вечерней проверки, когда все вертухайское движение затихает. Пациенты моются, кипятится вода, готовится операционный стол, стерилизуется инструмент и сами импланты. И начинается мочилово. Удар, стон, кровь, облегчённое «Вошел!» Смех сквозь боль... Никто не остаётся равнодушным, зрители шутят и прикалываются, по особо трудным случаям собираются консилиумы, всякий старается дать совет. По случаю удачных, как, впрочем, и неудачных, операций заваривается крепкий чифир...

Обычно все шли с просьбой провести операцию ко мне, как к доктору. Если в хате уже началось движение, то отговаривать было бесполезно, и если, тем более, об этом просили друзья, приходилось соглашаться. Все равно ведь пробьют, так уж лучше я сам это сделаю, как следует, твёрдой рукой и с необходимыми мерами асептики и антисептики. А если согласился сделать одному, то тут же пристраивается целая очередь, которая также подгоняет изготовление своих шаров к назначенному дню. Однажды, в один из вечеров пришлось пробить 8 балабасов. Как на конвейере. Удар, «Ой!», «Следующий! Клади сюда!», снова удар, дикое мычание, «следующий!». Но очень скоро такое развлечение мне надоело, и я ушёл в полный отказ от этой практики в пластической хирургии.

Расскажу технологию – может, кому захочется. Правда, я слышал, что такую операцию теперь кое-где делают и в некоторых частных медучреждениях. И не за маленькие деньги. Может, и себе открыть такой центр, назвать его, например, «Балабас» (это одно из названий члена на фене) и заколачивать бабки?.. На пенсии, наверное, займусь. :)

Так вот. Есть несколько видов издевательств над половым членом с целью придания ему больших возбуждающих свойств. Самый распространённый – это шары. Обычно их вставляют от одного до трёх под кожу вокруг головки члена. Первый, как правило, наверху по центру. Если больше одного, то обычно это три – два других сбоку снизу с обеих сторон от основного. Три шара, таким образом, находятся на равном удалении друг от друга и образуют кольцо вокруг шейки головки. И член получает в таком случае название «кукуруза». Либо, если два, то второй на противоположной стороне.

Встречались энтузиасты, которые никак не могли остановиться и ставили по 5 – 6 шаров (ещё и вдоль ствола члена). В тюрьме испытать возможности такого початка обычно не представляется реальным, на лагере же, когда приезжают жены, реальность оказывалась, как правило, не настолько привлекательной, как воображение, и многие начинают их вырезать. Впрочем, один-два все же обычно оставляют, если только их размеры не были слишком громадными.

По размерам – обычно чуть больше горошины. По форме – продолговатый, вроде мяча для регби. Такая форма нужна также и для того, чтобы в процессе заживления раны после имплантации такого шара его можно было поворачивать с тем, чтобы он не прирос к плоти. Для

этого же шар должен быть также идеально отшлифован: на это уходит основная масса времени, иногда несколько дней, необходимого для изготовления шара в условиях тюремной камеры.

Делают шары обычно из толстой пластмассы (оргстекла или подобной), для чего идеально подходят как раз ручки зубных щёток. Желательно чтобы материал был прозрачным, так как в противном случае он будет просвечиваться и болт в состоянии эрекции станет похожим на разноцветную ёлочную игрушку. Если подходящих щёток или подобных вещей нет, то шар выливают, делая небольшое углубление в куске мыла и капая туда расплавленную пластмассу из подождённых корпусов авторучек или обычных полиэтиленовых пакетов.

Грубую обработку материала до придания ему нужных размеров и формы производят трением об бетон пола. Затем начинают шлифовать: вначале грубая шлифовка с помощью побелки или штукатурки со стен, которую соскребают на кусочек обычно байковой ткани. Более тонкая обработка производится такой же тканью, только уже безо всяких абразивов. Последняя стадия – обычно во рту. Шар носят за щекой несколько дней, постоянно двигая языком. Если подходить к процессу ответственно, то на это уходит 3-5 дней. Хотя делали и за один, но спешить тут не надо, ведь такой важный орган можно зря подпортить.

Идеальным материалом для шара считается стекло, но это возможно уже только на зоне, да и то весьма проблематично найти такое толстое (разве что используется стеклблок). В таком случае процесс изготовления может затянуться на 3-4 недели, большая часть из которых уйдёт на шлифовку, в том числе во рту. Хотя здесь уже можно использовать станки и инструменты, имеющиеся часто на промзоне.

Кроме шаров ещё используются и так называемые шпалы – продолговатые, около сантиметра в длину и 3-4 мм в диаметре цилиндры. Шпалы «укладываются» по спинке члена в количестве 3-4 штук на расстоянии около 1,5 см друг от друга именно как шпалы, превращая сей орган в подобие стиральной доски. Часто они комбинируются с шарами: небольшой основной шар ставится сверху, возле самой головки, затем идут несколько шпал. Иногда шары ставят снизу по бокам, а шпалы сверху.

Для пробивания дыр в пуцаке (еще одно название члена) используют «пробой», например, ручку от ложки, но не алюминиевой, а более прочной, изготовленной из сплава на основе алюминия. Обычно такие ложки в тюрьму не пропускают, но, тем не менее, случается. Более распространённым инструментом являются те же ручки от зубных щёток. Выбирается прямая ручка, сама щётка отпиливается (пластмасса хорошо режется тонкими канатиками), а край затачивается под углом 45 градусов. Важно, чтобы ширина пробоя была достаточной для изготовленных шаров (шпалы делают тонкими, поэтому для них подойдёт любой размер).

Все это, в том числе шары, стерилизуется доступными методами: поскольку кипятить пластмассу обычно нельзя, ибо она теряет форму, то обычно для этого используют фурацилин, который можно получить в санчасти при наличии гнойных ран (а таких всегда достаточно) или из дому. Шары и пробой закидывают туда на несколько часов, а то и целый день. Если одним пробоем надо сделать «операцию» нескольким людям, то все-таки приходится опускать его ненадолго в кипяток между процедурами. Фурацилином же «пациент» моет своё хозяйство, либо просто горячей водой с мылом, если первого нет.

Правда, здесь надо отметить, что эти способы в камере, в основном, вводил я, наблюдая, как народ подвергает себя риску гнойных осложнений и заражения через кровь гепатитом или ВИЧ. Обычно же техника безопасности имеет достаточно примитивные формы, а то и вообще обходятся без неё.

Сама операция происходит так: «пациент» снимает трусы и садится на лавку в позу наездника на своё полотенце – это дабы не законтачить лавку своим тухесом. В качестве операционного стола служит толстая книга, накрытая туалетной бумагой, которая ложится между ног на лавку и на которую выкладывается бедолашный, сжавшийся и сморщившийся от страха, член. Его обладатель оттягивает кожу в нужном месте, прижимая ее к книге, сверху ставится про-

бой и резким ударом пробивается так, что он входит в книгу. Ударным инструментом служит металлическая кружка с пакетом сахара или соли внутри (для веса), или тяжёлая книга. Затем прооперированный сам вставляет себе в рану шар. Хорошо, если удар был хорошим, пробой заточенным и соответствующего размера. Тогда вставить его не представляет труда. Если же размер получился недостаточным, начинается самое «интересное»: впихивание шара, которое может иногда продолжаться с перерывами всю ночь. Дыру-то сделали, зря, что ли, страдал?

После удара сразу начать вставлять шар обычно мало кому удаётся. Были случаи потери сознания, или просто состояния близкого к шоку или ступору. Случались и сильные кровотечения. Иногда «пациент» так и не решается подставить свою колбасу под нож, или это происходит со второй-третьей попытки под действием насмешек и шуток других, многим стает плохо ещё до начала процедуры или при виде крови других.

Но надо сказать, что большинство все-таки решается. Были также и случаи неудачных ударов, когда кожа не пробивается до конца, или не угадали размеры пробоя. Что поделаешь – издержки производства. Случаи инфекции встречались крайне редко, в худшем случае, небольшое нагноение. Кожа в этом месте очень богата сосудами, поэтому быстро заживает.

За один раз обычно вставляют один шар или шпалу. Дальше – когда заживёт. Но были и такие смельчаки, что сразу, за один вечер, делали две дыры.

Затем балабас бинтуют и осталось дожидаться (всего ничего, пару лет до свободы...) применения приобретённых достоинств на практике. В первое время, пока рана не затянулась, надо следить, чтобы шар не выпал. Было такое, что ночью он выпадал, и на утро приходилось сунуть в уже отёкшую и слегка затянувшуюся рану.

Особый кайф также подрочить через несколько дней, когда рана уже начинает заживать и приятно зудит. Удержаться почти невозможно. Да, впрочем, и зачем? Хоть так обкатать новую конструкцию, испытать новые ощущения.

Ещё один вид усовершенствования природы мужского детородного органа, доступный в тюрьме, это кольцо. Точнее, кольцо – это приспособление, с помощью которого в уздечке делается отверстие. Из куска оргстекла выпиливается кольцо (бублик, тор), диаметром около сантиметра или чуть меньше и толщиной около 1,5 мм. Немного шлифуется и затем аккуратно лезвием заточки раскалывается в одном месте. Получается кольцо разомкнутое, которое, растянув за ниточки, одевают на уздечку таким образом, что тонкая кожа сжимается между краями разлома. Так оставляют на несколько дней: кожа в месте смыкания кольца постепенно отмирает и дня через 3-4 прорывается. Кольцо, как серьга, повисает на уздечке. Процедура также не из приятных, но, конечно, в никакое сравнение с шарами не идёт. Так оставляют ещё на неделю, чтобы рана зажила, и затем кольцо разламывают и удаляют. Образуется отверстие, которое уже не затягивается, как в ушах. Затем, перед употреблением члена по назначению, в это отверстие вставляются усики, которые делают из лески или конского волоса и... вперёд, к вершинам оргазма!

Вот такие страсти. Есть и другие способы, например, вазелин под кожу. Но таких «оригиналов» я не встречал. Да и в условиях тюрьмы это трудно. «Розочка» – разрезанная на четыре части головка. Бр-р-р! Это явно только больное воображение могло придумать. Тем более, без наркоза.

Вот какие муки способны вынести мужики, дабы произвести впечатление на противоположный пол. Без анестезии, примитивным инструментом, в антисанитарных условиях. А многим ведь ещё сидеть и сидеть... Куда там эпиляции и выщипыванию бровей. Так что, женщины, примите к сведению: какие неиспользованные резервы. Любофь – великая сила!

А под занавес лишь скажу, что для планирующих провести такие усовершенствования на себе, не лишним будет вспомнить известную присказку: «Главное не размер, как и форма, *руля*, а умение им пользоваться».

Понятия воровские, людские, гадские...

У меня вопрос: правильно ли я понял по сути воровских понятий, что ВСЕ ВОРОВСКОЕ ИДЕТ ИЗ ЛЮДСКОГО, А ВСЕ ЛЮДСКОЕ ИЗ БЛАГОРОДНОГО? Можно ли с такими понятиями жить на свободе? И вообще, расскажите мне про эти понятия все, что знаете: чем больше, тем лучше. Заранее благодарен.

Женя.

Ну, воровать и грабить – это не совсем по-людски. Придумывая всяческие «благородные» пункты в понятиях, братва словно оправдывается: мы вот тоже о чести и людском знаем. И не даёт своей душе совсем зачерстветь.

Я не осуждаю: преступники в нашем мире тоже вроде как нужны. На то щука в озере, чтобы карась не дремал. Но сам к ним не отношусь.

Христос, говоря о том, что его предательство и распятие предопределены заранее, сказал: «Сын Человеческий идёт по предназначению, но горе тому человеку, которым Он предаётся». И ещё: «Невозможно не прийти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят».

Таким образом, вроде бы и предательство, и убийство могут быть предопределены и необходимы, но все равно их свершение остаётся на совести их совершивших. У человека всегда есть выбор.

Так вот, немного о понятиях. Общее значение этого слова – правила, неписанные законы, кодекс чести. Если говорить о понятиях вообще, то они разделяются на две большие категории: «положительные» и «отрицательные». Как известно, все относительно: с точки зрения вора или простого арестанта, что-то положительно, а с точки зрения мента или суки, – наоборот. Я буду говорить с точки зрения «порядочных» арестантов. В данном случае мне это ближе. Так вот, с точки зрения арестанта, «положительные», то есть приемлемые для него, понятия делятся ещё на две категории – воровские и людские.

В противовес этим двум категориям, имеются понятия «отрицательные», которые делят на ментовские (противоположность воровским) и гадские (противоположность людским).

Эти термины используются не так часто, и обычно, когда говорят «жить по понятиям», имеют в виду по воровским понятиям. К этой теме я ещё буду возвращаться – очень много вопросов приходит, да и говорить можно об этом долго. Для споров же академических, которые нередки в среде арестантов, настоящих и бывших, весьма полезно понимать и уметь обосновать такое разделение. По крайней мере, оно даст вам большую фору в любом словесном конфликте и может быть даже вызовет к вам уважение, как к знатоку основ арестантской и воровской жизни.

Фундамент взаимоотношений – это понятия людские. Придерживающийся их человек называется порядочным арестантом, к которым могут быть причислены и мужики, и братва. Поведение чушковых (не следящих за собой, морально опустившихся), обиженных (попавшие в петухи не в качестве наказания, а по бестолковке), хоть к категории порядочных не относящихся, оценивается тоже по людским понятиям, со скидкой, конечно, на их положение.

В противовес порядочным, имеется категория гадов, т.е. тех, кто сознательно пошёл против людских понятий. Это крысы, курицы, беспредельщики. Есть такое выражение «спросить как с гада». В противоположность «спросить по-братски» – т.е. за незначительный проступок, часто по слабости или незнанию, первый раз, что может ограничиться беседой (что-то вроде общественного порицания), предложением внести что-то в общак, символической пощёчиной. Если человек больше косяков не порет, то вскоре он обычно возвращается к обычным отношениям. Спрос как с гада – дело более серьёзное. Для этого надо совершить серьёзный проступок: украсть у сокамерников, стучать, спровоцировать ментов на пресс всей хаты, совершить

беспредел в тюрьме или осуждаемый поступок на воле – преступления против детей, изнасилование. Очень часто спрос как с гада заканчивается опусканием – символическим или реальным переводом в нижайшую касту опущенных. Вопрос, как вы понимаете, индивидуальный. За одни и те же действия может быть разный спрос. Все зависит от человека и обстоятельств.

Тюрьма – место, где отношения и события протекают намного быстрее и интенсивнее. Поэтому, в отличие от воли, переход в гадскую категорию обычно бесповоротен. Никакими поступками вернуться обратно уже невозможно. Совершив один раз проступок против людского, человек, как правило, до конца срока, а обычно и на все последующие сроки, не зависимо от того сколько, когда и где ему придётся ещё побывать в заключении на просторах бывшего Союза, остаётся гадом, презираемым существом. Если же за свой поступок он был опущен, то дороги назад нет ни при каких условиях. С одной стороны, это может показаться слишком строгим наказанием, например, мыть парашу все 15 лет сроку за однажды украденную у сокамерника конфету. С другой стороны, жизнь в переполненной клетке требует намного более строгого соблюдения правил и норм людского общежития – соответственно и наказания более строгие.

Общее правило по этому поводу: спросить можно, если действиями человека нанесён вред либо лично кому-то (в том числе моральный, оскорбление чести и достоинства), либо общему (хате, тюрьме). Для спроса должна быть выдвинута предьява – обвинение, и она должна быть обоснована. У человека есть право на защиту, привлечение свидетелей (очевидцев точнее – слово «свидетель» относится к оскорбительным), ему могут дать время для защиты и нахождения этих самых очевидцев. В общем, система очень точно повторяет систему правосудия, только с другой терминологией.

Что касаясь людских понятий, то от КАЖДОГО заведомо ожидается их принятие, и за отказ от них происходит наказание. Понятия воровские – это же добровольно принимаемые на себя обязательства придерживаться воровского кодекса, т.е. прямое противопоставление себя власти и обществу, в первую очередь ментам, как их представителям. Так же как и понятия ментовские – добровольно принимаемые на себя обязательства, в т.ч. кодекс чести. Это две касты воинов, вышедших на тропу войны. Причём представители и одной, и другой группы могут совершать как поступки людские, так и гадские. Блатной, совершивший беспредел, поступает по-гадски, а мент, не приносящий в свою работу личной ненависти, – по-людски.

Если попытаться обобщить, то людское – это стремление к взаимопомощи, взаимопониманию, сочувствию, самопожертвованию, одним словом, к взаимодействию, а гадское – выставление своих личных интересов выше общественных, стремление к их удовлетворению за счёт других, в ущерб другим, одним словом, противопоставление.

Понятия воровские – это тоже противопоставление. Например, если по понятиям людским можно простить обиду, то по воровским – нет. Чтобы совсем душу свою не погубить таким мировоззрением, в воровских понятиях существует масса «благородных» пунктов, типа, не воровать у работяг и т.п. Но сути это не меняет, а лишь создаёт иллюзию.

Игры в тюрьме

Поскольку времени в тюрьме более, чем достаточно, то игры занимают немалое место в жизни арестантов. Если ещё учесть, что подавляющее большинство там находящихся пребывают в тяжёлом расположении духа, то игры служат для них и развлечением, и отдушиной. Для этого есть несколько всем известных способов: общение, чтение, рукоделие – обычный человек не может быть счастлив сам с собой. Но игры, конечно, стоят на первом месте.

Есть два варианта игр: «без интереса» и «под интерес», т.е. первое предполагает просто проведение времени, второе – ставки на игру.

Игры – очень распространённое средство разведения лохов. Умело играя на чувствах важности и значимости, опытный кидала долго подводит жертву к игре, зачастую часто ему проигрывая, расточая похвалы или подкалывая, заставляет его потерять бдительность и поставить на игру все, что у него есть и даже больше. Затем наносит решающий удар.

Если человеку нечем рассчитаться, он может превратиться в раба («коня»), может отрабатывать жопой, навсегда уйдя в касту петухов, может быть поставлен перед необходимостью выполнения любой задачи, вплоть до убийства. Игровой долг – долг чести, и отказавшийся от его уплаты может быть безнаказанно убит, покалечен или изнасилован.

В тюрьмах и зонах с преобладанием человеческих понятий смотрящими обычно установлена верхняя шкала ставок. Для тюрем это обычно около 200 долларов, для зон – 1-2 тысячи. Такие меры принимаются обычно по негласному соглашению оперов и воров, первые из которых решают таким образом свои проблемы чужими руками.

Очень также распространённый способ на заказ наказать или просто кинуть человека: шпилевой опускает жертву на определённую сумму, даже небольшую, но достаточную, чтобы тот попросил помощь извне. Обычно для уплаты даётся реальный срок, за который родные или друзья могли бы подвести нужную сумму – все «по понятиям». Но тут уже начинают работать опера: либо письма не доходят, либо почему-то кто не может получить пропуск из-за какого-то пустяка, либо деньги отшманываются. Срок оплаты проходит, и человек в маргарине. Долг сразу возрастает в несколько раз, начинается «законная» физическая расправа, или опер вербует себе нового агента, обещая помощь.

Часто действует понятийное правило: нельзя шпилить (играть под интерес) с человеком, который пробыл на лагере меньше 1 года. В тюрьме (СИЗО) когда-то был срок три месяца, но теперь он обычно не соблюдается. Игра под интерес, кроме прочих нюансов, экономически выгодна элите – шпилевые (игроки под интерес) платят в общак обычно не менее четверти выигрыша.

Есть ещё масса вариантов, рассчитанных на лоха, на не успевшего освоиться в тюрьме человека. Самое распространённое из них: новичку предлагают сыграть во что-либо, и, когда он проигрывает, ему объявляют, что игра шла, например, на 100 долларов. Он говорит, что он не играл под интерес, но в ответ слышит: «А я играл под интерес, ничего не знаю». Обращается к хате: «Кто-нибудь слышал, что он садился играть без интереса?». Никто, конечно же, не слышал.

Либо: «На что играем?» – «Ни на что». Проигрыш: «Плати 200 баксов». «Мы ж играли ни на что...» – «А для меня 200 баксов – это ничто». Несмотря на кажущуюся комичность, все очень серьёзно. Если и удастся уйти от платы, то часто с серьёзно пострадавшей репутацией.

Ещё вариант: «Играем просто так». В конце: «А ты знаешь, что в тюрьме «просто» это жопа. Ты проиграл своё очко».

Поэтому, если садитесь играть, в любом случае надо объявлять: «Играем без интереса». Это универсальная формула. И ещё совет: не садитесь играть под интерес вообще, но если вы таки без этого не можете, то, по крайней мере, в первые недели нахождения в камере.

Есть ещё вариант: «спортивный интерес». Играют на приседания, отжимания. Часто получается, что проигравший не может выполнить, например, несколько сотен отжиманий за два часа, и тогда ему объявляют «замену» проигрыша на что-то материальное – деньги, продукты. Такой вариант часто считается беспредельным, но среди молодняка работает.

Игры, где легче всего работать шулеру, это карты, все игры с костями. Карты в тюрьмах запрещены, и игра в них строго наказывается. Но, как вы понимаете, это мало кого останавливает. Вероятно, запрет на карты введён исходя из большой возможности применения шулерских приёмов, для невозможности обмена опытом, а может, это и просто старый идеологический глюк.

Карты обычно делают вручную. Кстати, очень красивые получаются стосы (колоды), сделанные по всей технологии. Клеятся из газет хлебным клейстером, долго ровняются и шлифуются, наносятся рисунки (заодно и тайные метки). Таким образом, на одну колоду может уйти до 5-ти дней работы.

Кстати, имеется небольшой интернет-магазинчик товаров из российских лагерей, где можно приобрести настоящий арестантский стос, нарды ручной работы, перекидные арестантские чётки и много другого на www.shop.tyurem.net.

Так как в тюрьмах и лагерях строго запрещены игры в карты, заключённые придумали способы обходиться без них. Для игры используются игральные кости, которые в тюрьме обычно называются зариками, или костяшки домино. В камере их в простейшем случае изготавливают из хлеба, более козырный вариант выплавляют из полиэтиленовых пакетов. В конце привожу правила игры в покер игральными костями – может быть вам захочется прикоснуться таким образом к тюремной «романтике».

Если вы не профессионал-кидала, никогда не садитесь играть в карты в тюрьме на интерес. А без интереса там в карты не играют (нет смысла рисковать). И непрофессионал никогда не станет рисковать держать у себя карты. Поэтому, если вам предложили сыграть, можете быть уверены, что вы имеете дело с профи.

К разрешённым относятся все остальные настольные игры – шахматы, шашки, домино, нарды (шышбеш), кости (зары, зарики), как и морской бой. Но, конечно, все они с не меньшим успехом могут быть использованы для игры под интерес.

Самая честная в этом отношении игра – шахматы и шашки, где сложно что-либо подстроить. Игры, где участвуют три или четыре человека, например, домино, уже более опасны, так как имеется возможность общаться тайными знаками и влиять на исход игры.

Сразу ещё один совет: если кто-то играет, ни в коем случае нельзя не то, чтобы подсказывать, а даже обсуждать партию рядом с играющими. Если тем более игра идёт под интерес: проигравший всегда может потребовать, чтобы расплатился подсказчик, не важно какой стороне он подсказывал или просто обронил слово.

Игры с костями, среди которых самыми популярными являются нарды (шышбеш), относятся к достаточно опасным в плане шулерства. Во-первых, существует несколько нехитрых приемов подхвата фишек, а во-вторых, самое главное, специалист с огромной долей вероятности может выкинуть нужное ему число. Для уменьшения такой вероятности, используют либо стаканчик, в котором «трясут» кости, либо специальные способы бросания камней, например, из-под стола, или с ударом о преграду. Хоть это и работает, но не всегда надёжно.

В большинстве своём все же в тюрьме играют ради того, чтобы убить время. И самой популярной игрой являются именно нарды. В них можно играть день напролёт, до полного отупения, переходя на полный автоматизм, получая при этом все же немало удовольствия.

При кажущейся простоте это очень интересная и поучительная игра. Как-то поняв, что играть без толку, только для убивания времени и отвлечения от боли, мне не нравится, я нашёл в нардах неисчерпаемый кладёз для внутренней практики. Шахматы и шашки – игры чисто интеллектуальные. Здесь выигрывает тот, кто умнее и имеет больше опыта.

Чисто вероятностные игры (например, покер с помощью игральных костей), лишён почти начисто интеллектуальной составляющей, и все зависит от риска и случая – разве что хорошая тренировка интуиции.

В нардах же эти две составляющие гармонично едины: ты должен сделать все, что можешь (лучший ход, просчитать комбинации, причём очень быстро, на уровне интуиции, и затем отдаться на волю судьбы, как лягут камни). Очень хорошая модель для нашей жизни: «делай, что должен, и будь, что будет»

С тех пор, как я начал относиться к игре именно таким образом, я стал получать массу удовольствия и пользы. В общем, эти две составляющие есть в любой другой игре, но в нардах они очень хорошо сбалансированы. Из подобных игр я бы ещё отметил преферанс, но в тюрьме он просто не доступен.

Чтобы достичь мастерства в нардах, надо научиться как раз двум таким составляющим: действовать наилучшим для данной ситуации способом и одновременно быть покорным судьбе. Различать то, что может быть и должно быть изменено и то, что изменить нельзя. Жить полнокровно и одновременно быть смиренным. Не впадать в отчаянье при «незаслуженных» жизненных трудностях, не присваивать только себе результаты победы, принимать свою судьбу, уметь проигрывать в выигрышных ситуациях... очень многому можно научиться при таком подходе. Появляется возможность в такой игровой модели мира видеть себя и свои реакции на ситуации, свои слабые стороны – своё раздражение, злость, отчаянье, гордыню. А увидеть – это уже половина пути к освобождению от них.

Так что учиться жить можно всегда и во всем. Было бы желание.

Живя таким вот образом, я и пришел теперь к созданию реальных и виртуальных проектов, в которых делюсь своими знаниями, пониманием, помогаю другим обрести свободу от страхов и прочих разрушающих эмоций и подсказать направление жизни, о чем мой Бойцовский Клуб и Интенсивный Курс Подготовки к Свободе и моя книга.

Покер игральными костями

Реквизит: пять игральные кости.

Цель игры: составить наиболее выгодную покерную комбинацию из пяти зариков (костей).

Количество игроков: любое, оптимально – не более 5.

Вначале каждый игрок кидает одну игральную кость для определения очерёдности ходов. Выбросивший наибольшее число, ходит первым. Ход в дальнейшем переходит от начавшего по часовой стрелке (влево). Это вводится по причине того, что ходить первым – самая невыгодная позиция в покере.

Каждый игрок кидает все пять игральные камни, после чего он может заявить, что доволен результатами или перекинуть любое количество костей (от одной до пяти). После второго броска у него снова есть выбор: принять полученную комбинацию или снова перекинуть кости. Причём он не имеет права трогать те кости, которые остались нетронутыми после первого сбрасывания. Таким образом, у каждого игрока есть три попытки собрать наиболее выгодную комбинацию. После третьего бросания, вне зависимости от результата, ход переходит к следующему игроку.

В конце круга, когда все игроки сделали свои ходы, выигрывает тот, у кого окажется высшая комбинация.

Возможны следующие комбинации (в порядке убывания):

Покер – пять костей одного вида (например, пять шестерок или пять троек).

Каре – четыре кости одного вида (например, четыре двойки).

Фуллхаус – три кости одного вида + пара (например, три шестерки и две единицы).

Тройка – три кости одного вида (например, три четверки).

Две пары – две кости одного вида и две кости другого вида (например, две пятерки и две единицы).

Пара – две кости одного вида (например, две шестерки).

В случае, если ни у кого не выпало покерной комбинации, выигрывает игрок с наивысшей суммой очков.

Если комбинации двух игроков одинаковы (например, у двух игроков по Каре), то выигрывает тот, у кого больше очков в комбинации (не входящие в комбинацию камни не считаются). Например, каре пятерок старше каре четверок, фуллхаус 3 пятерки и 2 двойки ($3*5+2*2=19$) старше фуллхауса 3 тройки и 2 шестерки ($3*3+2*6=21$).

Если у игроков одинаковые комбинации или одинаковая сумма в одинаковой комбинации, то они разыгрывают партию друг с другом.

Ставки делаются перед каждой игрой. Выигравшему достаётся весь банк.

Следующую партию начинает бросавший в предыдущей вторым (сидящий слева от начавшего). Круг (цикл) – когда право первого хода возвращается к начавшему самую первую игру (круг, таким образом, состоит из количества партий равных количеству игроков). Прерывать игру посередине круга запрещается.

Способы протеста в неволе: жалобы, голодовки, самоубийства

Недавно канал НТВ снял передачу о бунтах в тюрьмах и лагерях. Пригласили и меня, и я, наивный, приехал на съёмки интервью. Вскоре передача вышла, но только без меня. Увидев ее, я догадался, почему. Стране нужен образ врага. Как же иначе: не можем же мы сами быть виновны в своих бедах. Надо искать виноватых. Я же осмелился утверждать, что мы все, в первую очередь, люди, а уже потом зеки, министры, артисты. И то, что если в тюрьме бунт, то причины для этого, поверьте, должны быть очень основательны. А не просто – какой-то авторитет вдруг решил, и все поднялись... голыми пятками против шашек. Если бунт произошёл, то либо так было задумано, либо плохо (очень плохо) режиссировали, беспокоясь, в первую очередь, о своём кармане, или пропивая остатки ума. И тогда ситуация выходит из-под контроля.

Тема отстаивания своих прав в заключении не особо отличается от таковой на воле, хоть есть, конечно, свои нюансы. Например, фильтр для письменных жалоб. Если это делается не через адвоката, то корреспонденцию фильтрует оперчасть. Письма, адресованные в прокуратуру, вроде как не подлежат просмотру и могут быть отправлены запечатанными. Но не так трудно прочитать при желании и запечатанное письмо. Либо, глядя в глаза, между прочим, поинтересоваться: «О чём это вы, милый человек, там изволили написать? Вас что-то беспокоит? Может быть, хотите об этом поговорить?» Дальше можете догадаться.

Раз в неделю или месяц происходят инспекции всяких прокуроров по надзору. Они ходят по камерам и выслушивают арестантов. Обычно, если у администрации есть «личный» контакт с проверяющими, то опасений у них нет – можете говорить. Если нет, с утра перед обходом идёт ещё одна «комиссия» во главе с начальниками режима, оперчасти, а то и хозяином. Они вежливо, глядя всем в глаза, интересуются: нет ли жалоб. Ненавязчиво намекают, что лучше говорите сейчас, или молчите вообще. Часто в таких ситуациях удаётся решить массу бытовых проблем, например, проблемы прогулок, пищи. Администрация демонстрирует желание идти навстречу, не желая иметь проблемы, снимает накал в этот день, и как результат, при инспекции все видят счастливых зеков, ни на что не жалующихся. Проверяющие им даже иногда, наверное, завидуют.

Большой интерес (для читателей) представляют, конечно, экстремальные способы протеста. Есть разные варианты: например, стук в дверь всех камер при избивении кого-то в коридоре, хотя такие события бывают достаточно редко.

Довольно распространённая форма протеста – отказ от пищи (голодовка), который может быть массовым или в одиночку. Хотя такие «акции» почти бесполезны. Можно чего-то добиться, например, улучшения качества пищи, бытовых условий в результате массовых голодовок. Голодовка в одиночку, как правило, ничего не даёт – всегда можно насильно накормить, и голодай затем снова, если хочется. Повлиять на ход следствия, суда таким образом, как правило, также не получается – это больше игра на публику. Но, тем не менее, зеки снова и снова возвращаются к этой форме протеста. Для большинства это крайняя возможная форма выражения своего несогласия с чем-то. По крайней мере, они создают для себя видимость деятельности: «я сделал все от меня зависящее».

Я уже упоминал, что и сам однажды это делал. Так как тогда мы были этапниками, не имеющими ни адвокатов, ни возможности связаться с волей, то нас просто долго били, пока у всех не появился аппетит. Но, тем не менее, условия наши на следующий день выполнили. Такой вот компромисс.

Более экстремальной формой является попытка самоубийства. Такой вариант протеста встречается весьма часто. Эффективность такого протеста для самого протестующего сомнительна, имеет, скорее, философский подтекст. Я не говорю об истерической реакции человека, доведённого до крайней степени напряжения, как правило, самим же собой, а не кем-то, когда мысли уже не работают.

Часто попытка самоубийства только имитируется (с целью напугать). Для этого обычно вскрываются вены. Как известно, никому ещё не удавалось таким образом покончить с собой, хотя бы по той причине, что венозная кровь быстро свернётся и кровотечение прекратится. Для «успешного» финала этому нужно воспрепятствовать, что достигается погружением разрезов в воду. В условиях камеры это невозможно, так как человек практически всегда на виду. Да и с тазиком это плохо получается. Можно сделать глубокие порезы с тем, чтобы вскрыть артерии. Это уже ближе. Но снова же, будучи всегда на виду, сделавший себе такое вскрытие мало чем рискует, разве что тем, что его обязательно затем отправят в дурку на экспертизу. У администрации есть ещё неформальное средство профилактики для таких экстремалов – раны затем зашивают без наркоза. Так как кураж к этому времени уже обычно проходит, то процедура оставляет массу воспоминаний у пациента. Да и не каждый может вскрыть себе вены: для этого надо быть либо очень сильным, либо неуравновешенным и слабым.

Вспомнил рассказ старого арестанта, услышанный мною в самые первые дни пребывания в СИЗО. Будучи ещё молодым, и к тому же наркоманом, он прибёг к этой процедуре. Перед этим он долго угрожал, кричал, что я, мол, вскроюсь. И таки сделал это. До артерий не достал, вскрылись только вены.

«Лёг, я значит, на шконарь, и жду, когда все бросятся меня спасать, колотить в двери, вызывая врача, – рассказывал он, – но слышу, что никто особо почему-то никуда не спешит. Вскоре меня привлекает подозрительная активность зеков. Все гогочут, шутят. Руль ещё в самом начале схватил шлемку и подставил под руку, собирая кровь. Кто-то уже разжигает факел, кто-то чистит луковицу. Я лежу, типа умираю. Но когда услышал запах за жарки и понял, что происходит, встал в шоке. Меня только спросили «жрать будешь?», на что я промычал что-то невразумительное. «Ну не хошь, как хошь». И сели есть кровь, поджаренную с луком. Голод плюс просто вкусно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.